

В. И. ДАЛЬ

Повести и рассказы

В. И. ДАЛЬ

Повести и рассказы

0106
Фин

БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УФА — 1981

«ПРИШЛИТЕ СПРАВЕДЛИВОГО ДАЛЯ!»

В 1833 году в Оренбург приехал новый военный губернатор Василий Алексеевич Перовский, личность чрезвычайно противоречивая и сложная, оставившая в истории нашего края своеобразный след — одной из жемчужин репертуара Башкирского государственного ансамбля народного танца и по сей день является героический танец «Перовский» — поэтический отзвук трагического Хивинского похода.

Чиновником особых поручений при себе Перовский привез в Оренбург Владимира Ивановича Даля, отставного морского лейтенанта (Даль был одноклассником по Морскому кадетскому корпусу будущего адмирала Нахимова и декабриста Завалишина), бывшего ординатора Санкт-Петербургского военного госпиталя, автора нашумевших «Русских сказок», известного под псевдонимом Казак Луганский. За «Сказки» эти он попал в Третье отделение, но в этот же день был помилован царем, потому что тот помнил необыкновенный мост, в кратчайший срок сооруженный военным лекарем Далем при переправе через Вислу оказавшегося в безвыходном положении корпуса Ридигера, со всех сторон теснимого польскими повстанцами. (В год отъезда в Оренбург в Петербурге вышла книжка «отставного флота лейтенанта и доктора медицины» В. Даля «Описание моста, наведенного на реке Висле для перехода отряда генерал-лейтенанта Ридигера», вскоре она была переиздана в Париже).

Возможно, что Даль Перовскому в свое время представил Жуковский, он был другом Василия Алексеевича. Мог замолвить за него слово и Александр Сергеевич Пушкин, одобрительно отзывавшийся о сказках Даля, он тоже был на коротке с Василием Алексеевичем. О неординарности Перовского говорит хотя бы тот факт, что Лев Николаевич Толстой собирался сделать его одним из главных героев романа «Декабристы».

Но вероятнее всего, что посоветовал взять с собой Даль старший брат Перовского — Алексей Алексеевич, писатель, известный под псевдонимом Антоний Погорельский. Но «возможно,— полагает автор книги

о В. И. Дале в серии «Жизнь замечательных людей» Владимир Порудоминский,— Василию Перовскому не только Даль, но доктор Даль был нужен: генерала Перовского мучила рана в груди, полученная в 1828 году под Варною (генерал и лекарь были на одной войне)».

Как бы то ни было, в 1833 году бывший флотский лейтенант Владимир Иванович Даль приехал в Оренбург. Он приехал туда, как я уже упоминал, малоизвестным чиновником особых поручений. Впрочем, это не совсем так: к тому времени он был знаменитым хирургом, «второй хирургической перчаткой России», — первой был великий Пирогов,— а восемь лет спустя уехал знаменитым писателем и ученым.

Восемь лет! Мало это или много? Можно было все восемь лет прожить в Оренбурге и ничего не увидеть. Можно было бы, как и некоторые другие чиновники, половину оренбургской жизни провести в поездках по краю, но тоже по сути дела ничего не увидеть. И жизнь местных народов, чуждая и загадочная, текла бы мимо, можно бы даже равнодушно наблюдать за ней со стороны.

Восемь лет! Для Даля, с его умением обостренно вбирать в себя все окружающее, эти годы были целой жизнью. В первый же год своего пребывания в Оренбурге он только верхом проскакал по необозримым просторам степей и гор более двух с половиной тысяч верст: Уральск и Гурьев, Уфа и Стерлитамак, Александров-Гай и Калмыковская крепость, Букеевская орда, бесчисленные станицы, деревни, аулы, стойбища, кочевки...

К концу года он уже свободно говорил на башкирском и казахском. Интерес его был ненасытен. Он изучал степь со страстью историка, филолога, этнографа, археолога, юриста, ботаника, фольклориста, врача... и, конечно же,— писателя. Прямо в степи он зачастую делал сложные по тем временам операции, давал советы, разрешал вековые споры. Зачастую он предотвращал большие кровопролития. Закипала гневом степь, уже считалось невозможным обойтись без посылки карательной экспедиции, но ехал Даль — и дело решалось мирно. А сколько междоусобных споров, благодаря ему, не превращалось во взаимную кровавую резню. Недаром кочевники называли его между собой Справедливым, и имя это было широко известно в степи. О многом, например, говорит такой факт. Когда в 1837 году в очередной раз заволновались казахи, «главный возмутитель» и «ослушник воли начальства» батыр Исатай Тайманов просил военного губернатора: «Просьбы и жалобы наши никем не принимаются. Мы живем в постоянном страхе. Пришлите к нам честных чиновников, чтобы провели всенародное расследование. Особенно желаем, чтобы жалобы наши попали к господину подполковнику Далю. Пришлите справедливого Даля!..»

Даль, в свою очередь, проникся глубокой симпатией к местным народам. Разве не знаменательно, что своего сына-первенца он назвал двойным именем Лев-Арслан (арслан по-башкирски — лев).

18 сентября 1833 года в Оренбург приехал Пушкин для сбора материала о восстании Емельяна Пугачева. «Прибыл неожиданный и нечаянный». Он ехал так быстро, что обогнал секретные жандармские предписания насчет его. Только через месяц после его отъезда из Оренбурга туда пришло «Дело № 78. Секретное»: «Об учреждении тайного полицейского надзора за прибывшим временно в Оренбург поэтом титулярным советником Пушкиным». Хотя тут надо оговориться: одно предписание догнало Александра Сергеевича — негласное предупреждение нижегородского военного губернатора своему оренбургскому коллеге: литературные занятия, якобы, не что иное, как хитрый предлог, в действительности же титулярный советник Пушкин — тайный ревизор... Так родилась идея «Ревизора», которую потом Пушкин подарил Гоголю.

И, словно боясь этих предписаний (а может, на самом деле — боясь), Пушкин торопился. Уже наутро он ехал в Берду. Сопровождал его в поезде Владимир Иванович Даль. По пути он рассказывал Александру Сергеевичу «сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместьи, туда Пугачев поднял было пушку, чтобы обстрелять город, — на остатки земляных работ между орских и сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачеву, на зауральскую рошу, откуда вор пытался прорваться по льду в крепость, открытую с этой стороны; говорил о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что он еще будучи мальчиком бегал на улицу собирать пятаки, коими Пугачев сделал несколько выстрелов в город вместо картечи, — о так называемом секретаре Пугачева Сачугове, в то время еще живом, и о бердинских старожилках, которые помнят еще «золотые» палаты Пугачева, то есть «обитую медною латунию избу».

В Берде была замечательная встреча со старухой Бунтовой. Были собраны и другие старики и старухи, помнившие Пугачева, но поразила Пушкина живостью ума, образным мышлением именно она. Она рассказывала о взятии Пугачевым крепости Нижне-Озерной, о присяге ему, о том, как после разгрома восставших плыли по Яику тела убитых. Потом Владимир Иванович Даль увидит отголоски этого рассказа в «Истории Пугачева» и в «Капитанской дочке».

Вечером 19 сентября Пушкин был у Даля дома. Говорят, две барышни, узнав, что великий поэт у Даля, проникли в сад и забрались на дерево. О чем говорили гость и хозяин? Окно было закрыто, и барышни ничего не услышали. Даль в своих воспоминаниях тоже умалчивает об этом. Но наверняка о пугачевщине и Пугачеве, о причинах восстания, о нынешнем состоянии края. Все это чрезвычайно интересовало Пушкина. И совсем не случайно они, наверное, уединились.

Пушкин уезжал из Оренбурга утром 20 сентября. Дорога шла по правобережью Яика. По пути лежали станицы и крепости Чернореченская, Татищева, Нижне-Озерная, Рассыпная, Илецкий городок. Вла-

дмир Иванович Даль провожал Пушкина до Яицкого городка, переименованного теперь, по приказу Екатерины, в Уральск.

Позже Даль, видимо, много встретит из рассказанного им наедине за плотно закрытыми ставнями и в дороге — в «Истории Пугачева», в «Капитанской дочке». Некоторые архивы для Пушкина были за семью печатями, поэтому сведения Даля, уже успевшего достаточно глубоко изучить край, были для него очень важными. А то, что Даль располагал большими сведениями, говорит хотя бы тот факт, что он имел от военного губернатора следующую бумагу: «Состоящему при мне чиновнику особых поручений коллежскому советнику Далю... предписываю гг. исправникам, городничим, кантонным, дистанчным, суитанам и прочим частным начальникам, горнозаводским, гражданским и земским полициям и сельским начальствам оказывать всякое содействие, по требованию его доставлять без замедления все необходимые сведения...» Определенно можно сказать, что и «История Пугачева» и «Капитанская дочка» были бы менее богаты фактическим материалом если бы в Оренбурге в то время не жил Владимир Иванович Даль. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в бумагах Даля уцелел отрывок записи о Пугачеве с пометкой: «Еще пугачевщина, которую я не успел сообщить Пушкину вовремя».

В Уральске они простились, и меньше чем через месяц Пушкин послал в Оренбург Далю свою «Сказку о рыбаке и золотой рыбке» с надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин». Следующая встреча была в Петербурге, куда Даль приехал с Перовским, готовившим Хивинский поход. Даль еще не знал, что через несколько дней великий русский поэт будет смертельно ранен и он будет свидетелем его смерти.

Встречался с Далем в Оренбурге и Жуковский, сопровождавший цесаревича, великого князя Александра Николаевича (будущего Александра Второго) в путешествии по стране, которой ему в скором времени предстояло править. В редкие свободные часы Даль рассказывал Жуковскому башкирские предания — про озеро Елкикичкан, про пещеру в скале Тауча, про любовь Зая-Туляка к дочери подводного хана, хозяйна озер Аслыкуль и Кандрыкуль. На прощанье Жуковский попросил записать для него несколько подобных преданий, они интересовали его как сюжеты для написания восточной баллады или поэмы.

Даль преклонялся перед талантом Жуковского, но тем не менее позднее осторожно отказал: «Я обещал Вам основу для местных, здешних дум и баллад, уток был бы Ваш, а с ним и Ваша отделка. Я не забывал этого обещания, может быть, ни одного дня, со времени Вашего отбытия, а между тем обманул. Но дело вот в чем, рассудите меня сами: надобно дать рассказу цвет местности, надобно знать быт и жизнь народа, мелочные его отношения и обстоятельства, чтобы положить резкие тени и блески света; иначе труды Ваши наполовину

пропадут; поэму можно назвать башкирскою, кайсакскою, уральскою,—но она, конечно, не будет ни то, ни другое, ни третье. А каким образом я могу передать все это на письме?.. Я начинал несколько раз, у меня выходила предлинная повесть... Вам нельзя пригонять картины своей по моей рамке, а мне без рамки нельзя писать и своей!..»

Даль считал, что независимо от таланта, надо писать только о том, что хорошо знаешь, что прошло через сердце.

По приказанию Перовского (и по велению сердца) Владимир Иванович Даль объехал башкирские земли и сделал подробное их описание. Он вынужден был докладывать Перовскому о разграблении башкирских земель, о беззаконии и лихоимстве.

В 1834 году в дерптском ученом журнале Даль опубликовал статью о башкирах. Она тут же была переведена с немецкого, сокращена, перекomпанована и без имени автора помещена в № 8 «Журнала министерства внутренних дел».

Статья начинается с описания природы Башкирии. «Земли, занимаемые этим народом,—писал Даль,—можно без преувеличения отнести к числу прекраснейших и богатейших. Всеми своими дарами природа наделила их с избытком. Горы, лесные чащобы, множество больших и малых рек, ручьев, озер, тучных пастбищ, которыми благодаря их разнообразному положению пользоваться можно во всякое время года, наконец, несметные подземные сокровища — золото и платина — природа рассыпала их почти у самой поверхности земли...»

Даль подробно анализирует административное деление башкирских земель, рассматривает различные гипотезы о происхождении башкир. Он не просто перечисляет башкирские бунты, а рассказывает о причинах, вызвавших их, так, например, известное восстание 1707 года, по его мнению, вспыхнуло как справедливая реакция на «самовольный образ действий назначенного в Уфу Сергеева». «Во время этого восстания,—не побоялся сообщить Даль,—погибло более тридцати тысяч мужчин; больше восьми тысяч женщин и детей были поделены между победителями; 696 деревень были разорены».

Чрезвычайно интересны наблюдения Даля о характере, образе жизни башкир. Нередко им приходится брать в руки оружие: «В сражении башкирец передвигает колчан со спины на грудь, берет две стрелы в зубы, а другие две кладет на лук и со скоростью ветра посылает их одну за другой; при нападении низко пригибается к лошади и — грудь нараспашку, рукава засучены,—с пронзительным криком бросается на врага». Но в обычной жизни, подчеркивает Даль, башкиры миролюбивы. «По всей Башкирии,—пишет он,—можно путешествовать, столь же безопасно, как по большому Московскому шоссе. Башкиры обходительны и ласковы».

В 1838 году за огромные заслуги, в том числе за работу, проделанную по исследованию Оренбургского края, Российская Академия избрала его своим членом-корреспондентом.

В 1839 году он отправится в печально знаменитый Хивинский поход. В Хиве томились тысячи русских пленных, только некоторым из них удавалось бежать, и даже через кочевников, которым за это грозили страх смертной казни, приходили письма с просьбой о помощи. Но это была только одна из целей похода, скорее внешняя, чтобы поднять дух солдат, — царь боялся, и не без оснований, английского влияния в Средней Азии. Даль советовал выступать в поход весной, но Перовский не послушался его: выступили в конце ноября. Зима на редкость была тяжелой, не говоря уже о том, что зима в степи вообще очень сурова. Не помогли ни расстрелы, ни виселицы для остротки, ни посулы — пришлось повернуть, потеряв треть войска.

Так печально окончилась служба В. И. Даля в Оренбургском крае. Хивинский поход заставит его еще и еще раз над многим задуматься, принесет много горечи, хотя и даст возможность еще глубже узнать простых людей Оренбуржья и Южного Урала: яицких казаков, башкир, казахов...

В Оренбург Владимир Иванович Даль приехал малоизвестным чиновником по особым поручениям при военном губернаторе, а уехал знаменитым писателем. В Оренбурге им были написаны автобиографические повести «Мичман Поцелуев», «Вахх Сидоров Чайкин», «Домик на Водяной улице», другие повести, рассказы и очерки. Но особую славу ему составят такие произведения, как «Осколок льду», «Рассказ об осаде крепости Герата», «Майна», «Бикей и Мауляна», «Уральский казак», «Башкирская русалка», написанные на местном материале. Повесть «Бикей и Мауляна» была первой достоверной повестью о жизни казахов. Она сразу привлекла к себе внимание не только русского читателя: вскоре она была издана в Париже. Привлекла внимание не только необычностью материала, но реалистичностью изображаемого, глубоким гуманизмом, уважением к «диким» кочевым народам, которым не чуждо ничто: ни мудрость, ни мужество, ни доблесть, ни высокая любовь, достойная Ромео и Джульетты.

«В этой чете столкнулись два человека, — с глубоким уважением и даже удивлением писал о своих героях Даль, — в своем роде необыкновенных: упрямая судьба одарила дикарей этих мозгом и сердцем, которые, при надлежащем развитии понятий и способностей, может быть, украсили бы чело и грудь царственной четы; может быть, другой Суворов, Кир, Кант, Гумбольдт сгинули и пропали здесь, сколько скованный дух ни порывался на простор!»

Мауляна! Кое-кого из «общества», наверное, не мог не задеть ее портрет, написанный Далем:

«Пригожество и красота — вещи условные; не знаю, приглянулась ли бы вам моя степная красавица с первого раза, особенно если бы вы пожаловали в зауральскую степь прямо с партера Александринского театра, из филармонической залы, с пышного придворного бала; — если ж нет, то виной этому был бы, вероятно, только тяжелый, меш-

коватый наряд ее; я думаю, что если бы вы обжились немного со степью и с дикарями ее и дикарками, если бы привыкли только к этим тройным и четвертным неподпоясанным халатам, неуклюжим чоботам и мужиковатой поступи, то стали бы вглядываться в иное свежее, дикое, яркое и смуглое лицо, в котором брови, ресницы, очи, губы и подборные, скатного жемчуга зубы украсили бы любую из московских и питерских красавиц, похожих нередко — извините меня, неуча, — на куколку, которую шаловливые девчонки умывали, и смыли с нее и румянец, и алый цвет уст, а в голубых глазках оставили один только бледный, мутный намек на прежний цвет их. Плосковатое лицо и несколько выдавшися скулы не делают на меня никакого неприятного впечатления, а высокое чело и благообразный нос вполне соответствуют приятному облику кайсачки.

Или еще:

«Есть доселе много людей на линии и в Оренбурге, которые видели и знали ее: вы услышите одно, и разногласицы насчет Мауляны нет, словно все условились и сговорились. Еще недавно смеялся я внутренне, сидя вечерком в дружеской беседе, где зашла речь о Мауляне прекрасной: один из самых сухих и закоснелых, угрюмых брюзгачей наших улыбнулся, осклабил уста свои и не мог скрыть пробудившихся в нем приятных воспоминаний; она поражала и озадачивала собой каждого, с кем бы ни сходилась, ни встречалась: думаешь видеть перед собой милую окрутницу, которая ловко, удачно и искусно подделалась под стать и лад дикарки, не покидая благородной, образованной осанки наших барынь и девиц лучшего круга»...

Без преувеличения можно сказать, в Оренбурге сложилась основа «Толкового словаря живого великорусского языка». Может быть, не будь восьми лет жизни в Оренбургском крае, не было бы и «Словаря...», по крайней мере, в таком виде. Оренбург в этом смысле чрезвычайно выгодно расположен: своеобразный узел-стык Средней Азии и Урала, Сибири и Средней России. В то время Оренбургский край был сосредоточием переселенцев. В одном уезде можно было встретить выходцев из десятка и даже более губерний. Да и более древнее русское население края — тоже переселенцы, конгломерат разноязычия и диалектов. Особая, чрезвычайно любопытная терминология рыбного дела сложилась у уральского казачества. В исконно русский язык активно вплетались и укоренялись в нем тюркизмы. Язык не просто жил, он продолжал расти количественно и качественно, и все это не проходило мимо Владимира Ивановича Даля.

И еще одно, чрезвычайно важное обстоятельство. Даль как бы заново открыл Оренбургский край, своими произведениями привлек к нему обостренное внимание общественности, прежде всего литературной.

Если бы не Даль, скорее всего не приехали бы в Оренбуржье Толстой и Чехов, многие другие русские писатели. Знаток и пропа-

гандист молочных продуктов А. С. Кишкин в одной из своих статей писал: «Не было и нет в нашей стране другого такого молочного напитка, который взлетел бы так стремительно в зенит славы, как это произошло с кумысом, вызвавшим в XIX веке невиданное паломничество в заволжские степи для исцеления от туберкулеза. Мало сейчас кто знает, с чего все это началось. Кто первым открыл для россиян кумыс как лечебное средство?» И отвечает: «Владимир Иванович Даль».

Конечно, о кумысе в России знали и до Даля. Еще в Ипатьевской летописи сообщалось, что в 1245 году князь Даниил Галицкий, едзя на поклон к хану Батю, пил у него кумыс. Да и в России XIX века народные лекари, особенно в пограничных с кочевниками областях, рекомендовали им лечить чахотку. Теперь же о чудодейственных свойствах степного напитка говорил известный врач и писатель, член-корреспондент Российской Академии.

«Как русские, так и иностранцы, — писал Владимир Иванович Даль, — высказывают иногда о кумысе ошибочные сведения и мнения, его смешивают нередко с молочной водкой калмыков, или приписывают ему небывалые качества и свойства. Между тем напиток этот, как пища и как врачебное свойство, стоит того, чтобы с ним ближе познакомиться, а в этом деле только от нас, русских, можно требовать достоверные сведения, потому что кумыс известен едва ли не только в азиатских пределах нашего Отечества.

Кумыс... составляет главнейшую пищу и наслаждение наших кочевых народов, которые без него едва ли бы могли существовать. Привыкнув к кумысу, поневоле предпочитаешь его всем без исключения другим напиткам, особенно в жаркое время. Он охлаждает, утоляет и жажду, и голод, и придает особенную бодрость».

А далее Владимир Иванович писал:

«У киргизов чахотка почти неизвестна! Особенности свойства кумыса, которые объяснить нелегко, но за которые я могу поручиться, состоят в том, что он никогда не переполняет желудка, его можно пить сколько угодно и во всякое время, не чувствуя отягощения. Почему кумыс и приносит особенную пользу во всех тех болезнях, где тело требует сытого и легкого питания, без отягощения пищеварительного снаряда. Кумыс приносит особенную пользу при всех хронических грудных страданиях, как собственно легких, так и дыхательного снаряда вообще. Последовательное действие кумыса обнаруживается через неделю и ранее, оно состоит в сытном, здоровом и легком питании целого тела. Чувствуешь себя бодрым, здоровым, дышишь свободно, лицо принимает хороший цвет. Я сомневаюсь, можно ли придумать какую-нибудь другую пищу, которая в этом отношении заменила бы кумыс».

Без преувеличения можно сказать, что это сообщение ошеломило русское общество. Когда шок немного прошел, многие, — зачастую самые отчаявшиеся излечиться от туберкулеза, — вместо дорогостоящих курортов Швейцарии и Италии обратили свой взор на восток — в до-

селе неизвестные и дикие степи. А чухотка в то время не щадила никого: ни бедных, ни богатых. И первые же результаты показали, что Даль был прав. Кумыс, может, полностью не излечивал от туберкулеза, но значительно улучшал состояние, укреплял организм.

В этом паломничестве была и другая сторона — люди, не знавшие толком родной русской деревни, поневоле знакомились теперь с укладом степи. Жили в курных избах, в палатках, шалашах, кибитках и юртах. Ехали только лечиться — и невольно узнавали жизнь кочевых народов. Так в башкирские и оренбургские степи вслед за волной переселенцев — представителей беднейшего крестьянства — и хищниками-колонизаторами хлынула в поисках здоровья, может, не такая густая, волна среднего класса, интеллигенции, дворянства.

Почти повсюду в степи стихийно возникали примитивные кумысолечебницы. А уже в 1859 году в заволжских степях появился первый профессиональный врач, лечащий кумысом, — Н. В. Постников. Он стал основателем отечественного кумысолечения.

Именно на кумыс приезжал в заволжские степи Лев Николаевич Толстой. Именно на кумыс приезжал в Башкирию Антон Павлович Чехов. Санаторий около станции Аксеново теперь носит его имя. В республике в наши дни более десяти взрослых и детских кумысолечебных санаториев, и остается только сожалеть, что ни один из них не носит имя страстного пропагандиста кумыса В. И. Даля.

С Льва Николаевича Толстого по сути дела начался второй этап повышенного интереса широкой общественности к заволжским степям, к народам Южного Урала, Оренбуржья и Казахстана...

Прошло время. Минул век с лишним. Чем дальше неумолимое время, тем значительнее становится великий памятник, который воздвиг себе Владимир Иванович Даль — это «Толковый словарь живого великорусского языка», который стал настольной книгой уже не одного поколения нашего народа. Недавно издательство «Русский язык» осуществило очередное его издание. В этом великая справедливость времени, но все же несправедливо, что Даль — создатель «Толкового словаря живого великорусского языка» заслонил собой личность Даля — выдающегося врача, Даля — общественного деятеля, Даля — организатора Российского географического общества, Даля — талантливого инженера, Даля — писателя.

Большинство его прозаических произведений в советское время не издавалось, и эта книга в серии «Золотые родники» — скромная попытка вернуть читателю, прежде всего читателю нашего края, который он самозабвенно любил, за который болел душой, с которым были связаны его лучшие годы, — вернуть широкому и благодарному читателю Даля-писателя.

Михаил Чванов

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66